

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 4 МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Основные термины и понятия темы:

Морфемика – раздел языкознания, изучающий систему морфем и правил их функционирования в составе слова.

Словообразование – раздел языкознания, изучающий создание, функционирование и строение производных слов.

Деривация – образование новых слов с помощью формальных средств.

Морфема – единица языка, в которой за определенной фонетической или графической формой (планом выражения) закреплено определенное значение, смысл (план содержания).

Корень – общая часть всех родственных слов, остающаяся после устранения всех словообразовательных и словоизменительных элементов этих слов.

Аффикс – служебная морфема, присоединяемая к корню слова, и выражающая его грамматические и/или словообразовательные значения.

Префикс, или **приставка** – служебная морфема, помещаемая перед корнем.

Суффикс – аффикс, помещаемый за корнем, но не обязательно в непосредственной близости к нему.

Окончание, или **флексия** – словоизменительный аффикс, выражающий чаще всего грамматические значения.

Интерфикс – аффикс, стоящий между двумя корнями или между корнем и суффиксом и выполняющий соединительную функцию.

Инфикс – аффикс, вставляемый в середину корня.

Конфикс, или **циркумфикс** – аффикс, охватывающий корень одновременно с двух сторон – спереди и сзади.

Трансфикс – аффикс, разрывающий корень из согласных определенными гласными.

Аффиксоид – тип аффикса, занимающего промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами.

Опрощение – переход слова от более сложного морфемного состава к более простому в результате объединения двух морфем в одну.

Переразложение – перемещение границы между морфемами, в результате чего слово начинает члениться по-другому.

Осложнение, или **усложнение** – членение одной морфемы на две, появление границы между морфемами там, где ее не было.

Основа – часть слова без окончания.

Словообразовательное значение – семантическое отношение производного слова к производящему, имеющее формальное выражение внутри слова.

Словообразовательный тип – схема строения производных слов, объединяемых одной и той же частью речи производящей основы, одним и

тем же словообразовательным средством и одним и тем же словообразовательным значением.

Словообразовательный способ – единица словообразования, объединяющая в себе ряд словообразовательных типов.

Словообразовательное гнездо – совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями производности.

Вопросы для обсуждения:

1. Морфема как единица языка.
2. Классификация морфем.
3. Изменение морфемной структуры слова.
4. Понятие о словообразовании. Производная и непроизводная основы.
5. Словообразовательное значение.
6. Словообразовательный тип.
7. Способы словообразования.

Персоналии:

Юрий Сергеевич Маслов (1914 – 1990) – русский языковед, автор учебника «Введение в языкознание».

Елена Самойловна Кубрякова (род. в 1927 г.) – русский языковед, специалист в области словообразования. Автор работ «Что такое словообразование», «Типы языковых значений. Семантика производного слова».

Владимир Владимирович Лопатин (род. в 1935 г.) – русский лингвист, специалист в области словообразования. К числу известных работ в этой области относится «Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания».

Александр Николаевич Тихонов (1931 – 2003) – русский языковед, автор «Словообразовательного словаря русского языка» в двух томах.

Игорь Степанович Улуханов (род. в 1935 г.) – русский лингвист, специалист в области словообразования. Автор известной работы «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания».

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. С какими разделами языка связан вопрос морфемной структуры слова?
2. Что такое морфемика?
3. Дайте определение морфемы как единицы языка.
4. Приведите пример омонимии и полисемии морфем.
5. Охарактеризуйте свободные и связанные, исконные и заимствованные морфемы.
6. Что такое корень? Какие изменения он может претерпевать?
7. Представьте классификацию аффиксов.
8. Расскажите, как может изменяться морфемный состав слова в агглютинативных и флективных языках.

9. Охарактеризуйте основные типы исторических изменений в морфемной структуре слова (опрощение, переразложение, осложнение).
10. Что такое аналогия, агглютинация, декорреляция, диффузия, замещение?
11. В каком значении может использоваться термин «словообразование»?
12. Что такое деривация, дериват, дериватология?
13. Назовите типы основ.
14. Дайте определение словообразовательному значению.
15. Что понимают под словообразовательным типом? Что такое продуктивный и непродуктивный словообразовательный тип?
16. Назовите основные способы словообразования. Приведите примеры.
17. Что изучает синхроническое и диахроническое словообразование?

Темы рефератов:

1. Изменение морфемной структуры слова в русском языке.
2. Продуктивные словообразовательные типы в современном русском языке.
3. Авторское словообразование в художественной литературе.

Литература:

1. Авласевич М.А. Морфемный состав слова и словообразование. 3-е изд., перераб. и доп. Могилев, 1999.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 3-е изд. М., 2003.
3. Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2001.
4. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. 3-е изд. Минск, 2005.
5. Камчатнов А.М., Николина Н.А. Введение в языкознание. М., 1999.
6. Кочергина В.А. Введение в языкознание. М., 2004.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 5-е изд., стер. М., 2006.
8. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М., 2004.
9. Норман Б.Ю., Павленко Н.А. Введение в языкознание. Хрестоматия. 2-е изд. Минск, 1984.
10. Полизанов Е.Д. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 2006.
11. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
12. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
13. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Упражнения:

1. Определите грамматическое или словообразовательное значение служебных морфем языка. Приведите примеры.

- а) Суффиксы: -ик, -ыва-, -ость, -ну-, -н-, -лив-, -т-, -изн-, -ес-, -ущ-, -в-.
- б) Приставки: с- (со-), под-, не-, в- (во-), анти-, от-, пра-, наи-, пре-.
- в) Конфисы: без...н(ый), о...и(ть).
- г) Флексии: -а, -ов, -ами, -е, нулевое окончание.

2. Проанализировав примеры, ответьте, при помощи каких суффиксов в казахском языке образуется форма множественного числа.

Хаттар (письма), каздар (гуси), батырлар (герои), балалар (дети), терезелер (окна), сездер (слова), аттар (кони), пештер (печи), кыздар (девушки), шептер (слова), шамдар (лампы).

3. Укажите морфемный состав слов, дайте характеристику каждой морфеме.

Абонент, барский, зависимый, кого, латынь, насмешить, охотничий, переодевание, подлокотник, последовательность, по-старинному, пчеловод, что-нибудь, языкознание.

4. Сгруппируйте слова по сходству их морфемного состава.

Адрес, буревестник, бурлить, вдумчивый, весело, встречая, высь, гуляя, доверие, дублер, земледелец, именной, крайность, лесничество, любительский, обидеть, познание, север, тишь, тяжба, ужиная, хитро.

5. Назовите специфические морфемы различных частей речи. Приведите примеры.

6. Определите, какие фонетические и исторические чередования представлены в примерах.

Бечева – бечевка, верх – вершина – верховой, водить – вожу – вождение, водный – водичка – водянистый, вырастить – выращивать, грозить – угрожать, грубый – груб, дом – дома – домовитый, лес – лесок, лодочка – лодка, ножи – нож, область – областной, пять – пятак – пяточок, свет – светлеть – засветло, свет – свечу – освещение, сердце – сердечко, смутить – смущать, сон – сна.

7. Какие фонетические и исторические чередования представлены в данных словах: а) в корне; б) в приставке; в) в суффиксе?

а) Водить, враг, груз, друг, косить, ловить, лодка, ложь, молоко, простить, след, снег.

б) Беспощадный, возмутиться, извлечь, низвергать, обскакать, отпустить, разбудить, спустить.

в) Крючок, купец, лисий, ножка, простак, смешон.

8. Укажите, какие исторические изменения морфемного состава произошли в словах.

Властелин (от *властель* – господин), гравюра (непроизводное в момент заимствования из французского языка), зонтик (в момент усвоения русским языком из голландского имело непроизводную основу), лоток (от *лотъ* – желоб, плоское корыто), мгла (от *мга* – сырой, холодный туман, очень мелкий дождь), молчаливый (от *молчаль* – молчание), нелепый (от *лепый* – красивый, хороший), платок (от *плат* – кусок материи), польза (от *льга* – легкость, свобода), прелесть (от *лесть* – хитрость, козни), торжественность (ср. *торг*, *торжество*), тщательность (от *тщание* – усердие, старание).

9. Отметьте слова, в которых произошел процесс опрощения морфологической структуры. Укажите причины опрощения.

Борец, брак, вельможа, вкус, вождь, дворец, жир, забава, клевать, колесо, кольцо, листок, мальчик, мешок, молодец, обворожить, ожерелье, окно, окорок, окостенеть, коньки, копейка, печаль, позор, портной, работник, расписание, смородина, червонный.

10. Какой процесс произошел в словах? Какие морфемы при этом возникли? Являются ли они продуктивными?

Веснушка, взятие, грешник, действие, недоделать, обезболить, пылинка, снежинка, создание, спокойствие, точилка, ученик.

11. Какие морфемы придают словам разговорный и просторечный характер, какие – книжный?

Бедствие, болтун, возрадоваться, вспылать, врачаха, глазастый, гордыня, завсегда, зубрежка, жадюга, напополам, новизна, писака, скромняга, уверить, юнкерье.

12. Укажите слова с производной и непроизводной основой.

Белый, взморье, вода, зрение, клюква, ласка, мазь, мужество, напор, павильон, песня, песок, пригород, семь, школьный ящик.

13. Укажите способ и средство словообразования.

БГУ, безветрие, бескозырка, беспорядок, будущее, взрослый, выключатель, героизм, говор, гордость, дача, загород, лесопарк, МХАТ, приводниться, пуск, редколесье, четверное, созвездие, сторож, тяжелораненый, удаль, ученый, языкознание.

14. Укажите, как образовались авторские неологизмы.

а) Летеж, лепеж, читеж; мысляр, числяр; чернизна, роковизна, гордизна; седун, мотун; нудь, любь, небыть; боженята, глазята, криченята; звучоба, письмоба, волноба, мертвоба. (В. Хлебников)

б) Таня внезапно осознала, что если сила, несущая их вниз, не вернет их инструментам способность к полету, то не спасут уже ни Ойоййс шмякис брякис, ни Чебурыкнус парашютис форте. Против стихийной неведомой магии бесполезны и смешны все нелепые заморочки магов и чародеев, балующихся на досуге драконболом и летающих на семейных диванах оторваться на Лысую Гору. (Д. Емец) (Ойоййс шмякис брякис – «подстрахоблочное» полетное магическое заклинание, Чебурыкнус парашютис форте – магическое заклинание, используемое для ускоренного торможения при экстренной посадке – К.Г.)

в) Вы, ураниты, – суровые и черные, как древние испанцы, мудро умевшие сжигать на кострах, – вы молчите, мне кажется, вы – со мною. Но я слышу: розовые венеряне – что-то там о пытках, казнях, о возврате к варварским временам. Дорогие мои: мне вас жаль – вы не способны философски-математически мыслить. (Е. Замятин)

г) О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеянтвуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешищ надсмеяльных – смех усмейных смехачей!

О, исмейся рассмеяльно, смех надсмейных смеячей!
Смейево, смейево,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи! (В. Хлебников)

д) Кто отнимет мою звенящность,
Золотую мою звонкость?
Кто отнимет мою настоящесть,
Боевую мою бойкость? (М. Львов)

е) И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая –
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек. (В. Маяковский)

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 10. Р. А. БУДАГОВ. СТРУКТУРА И ФОРМЫ СЛОВА

* * *

Губен Александрович Будагов (1910 – 2001)

Р.А. Будагов – русский языковед, член-корреспондент АН СССР. Известен как автор работ по общему и романскому языкознанию. Является автором учебного пособия по введению в языкознание. Работы Р.А. Будагова отличаются глубиной содержания и вместе с тем доходчивостью, яркостью и простотой изложения. Частные языковые факты он всегда стремится осмыслить в рамках общей теории языка.

К основным трудам Р.А. Будагова относятся «Проблемы изучения романских литературных языков» (1961), «Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки» (1963), «Введение в науку о языке» (1958; 2-е изд. – 1965), «Проблемы развития языка» (1965), «Литературные языки и языковые стили» (1967), «Язык, история и современность» (1971), «Человек и его язык» (1974), «Филология и культура» (1980).

* * *

<...> Уже со школьной скамьи нам известны такие понятия, как корень, аффиксы (префиксы, суффиксы, инфиксы) и флексии (иначе окончание). Аффиксы являются своеобразными морфемами, т. е. отдельными, грамматически значимыми частями слова. Они служат не

только для образования слов и уточнения их смысла, но и для выражения отношений между словами.

<...> Место морфемы в слове не является основным отличием одной морфемы от другой. Больше того, различие в месте морфемы является следствием других, более глубоких разграничений. Достаточно, например, сказать, что префиксы формируют прежде всего глаголы, а суффиксы – имена, чтобы убедиться в том, что между разными морфемами есть более существенное различие, чем позиция их в слове. Каждая морфема обычно имеет свое назначение в системе грамматики, хотя могут быть морфемы, одновременно встречающиеся в разных частях речи. Функция морфемы тесно связана с ее грамматическим значением и в основном определяется этим последним.

<...> Суффикс *-ец*, превращая корень *твор* в слове *творец*, не только уточняет самый корень, но и участвует в создании того смысла, который мы вкладываем в слово *творец*. Грамматика и лексика образуют своеобразное единство во всех языках, хотя оно по-разному реализуется в различных языках в зависимости от их национальной специфики.

Изучая морфемы, нельзя не заметить, что они находятся в системных отношениях. Сравним такие два ряда – горизонтальный и вертикальный:

несет ↔ ведет, идет, поет, везет, берет, метет и т. д.

↓

несу

несешь

несем

и т. д.

Слово *несет* как бы опирается на два ряда грамматических соответствий, которые поддерживают его, делают его представителем именно данной грамматической системы русского языка. Если окончание третьего лица единственного числа *-ет* не повторялось бы во множестве других глаголов (*ведет, идет* и пр.), оно не смогло бы выделиться и обобщиться, сделаться общим показателем данной категории. Вместе с тем, если *несет* не входило бы в ряд парадигмы (*несу – несешь – несет* и пр.), оно не смогло бы восприниматься как третье лицо единственного числа в отличие от первого и второго, в отличие от множественного числа.

Каждая форма слова, в особенности в языках флективных, которые располагают многообразными флексиями, вступает в своеобразные ряды грамматических соответствий. Сила этих соответствий настолько велика, что, не зная формы какого-либо слова, по аналогии с подобными же формами других слов ее легко устанавливают.

Представим себе, что иностранец затрудняется образовать форму третьего лица единственного числа настоящего времени, например, от глагола *нести*. Но если ему уже знакомы соответствия типа *нести – несет, везти – везет*, то по аналогии с ними он образует *нести – несет...* Разумеется, по аналогии образуют формы слов не только иностранцы, но и люди, для которых данный язык является родным. Образования эти производятся подчас бессознательно для самих говорящих. Когда водитель

трамвая или автобуса, отправляя вагон или машину, иногда восклицает «местов больше нет», то нелитературная форма *местов* (вместо литературной *мест*) возникает по аналогии с существующими в языке образованиями родительного падежа множественного числа типа *домов, столов, отцов* и т. д.

<...> Возвращаясь к структуре слова, следует отметить, что аффиксы обычно имеют более абстрактное значение, чем корень слова. Корень *твор*, упомянутый раньше, уже сам по себе может вызывать различные ассоциации со словами *творить, творец, творчество* и пр. Корень *лет* – со словами *летать, летчик, подлетать, полет, прилет* и множеством других. Больше того, корень как известно, иногда просто совпадает со словом и имеет самостоятельное значение: *стол, дом*. Иначе воспринимаются аффиксы. Суффиксы, префиксы, инфиксы сами по себе не имеют в большинстве случаев самостоятельных значений в новых языках. Когда произносят суффиксы *-ец* или *-ств-о*, у нас еще не возникает никаких непосредственных лексических «рядов», никаких конкретных лексических значений. Только в единстве с корнем слова эти суффиксы вырисовывается более отчетливо: *-ец* – это *борец, творец, купец, храбрец, певец* и т. д.; *-ств-о* – это *творчество, мастерство, юношество* и многие другие.

<...> Как ни глубоко отличие аффиксов от слов в современной системе таких языков, как индоевропейские, между ними в историческом плане имеются не только различия, но и точки соприкосновения.

Немецкий суффикс *-heit* (например, *Schönheit* – «красота», *Weisheit* – «мудрость») в старом немецком языке был самостоятельным существительным со значением «способ», «вид», «образ», так что первоначально такое сложное существительное как *Schönheit*, обозначало буквально «образ (или вид) красивый». Так же к самостоятельному слову восходит и немецкий суффикс *-schaft* (например, *Gesellschaft* – «общество», *Bruderschaft* – «братство»), который именовал некогда «свойство», «состояние», «качество». Самостоятельным словом являлся и префикс *voll-* (*vollkommen* – «законченный», *vollbringen* – «совершить»), восходящий к наречию *voll* (полностью) и т. д.

Во всех романских языках (кроме румынского) наречное окончание *mente* или *ment* восходит к латинскому *mens, mentis*, некогда обозначавшему «ум», «намерение». Но уже в поздней латыни выражение типа *bona mente factum* (буквально «сделанное добрым умом») приобрело смысл – «сделанное добрым образом», т. е. стало передавать так называемое инструментальное (орудийное) значение. В дальнейшем в истории романских языков это значение *mente* постепенно превратилось в значение наречного грамматического форманта, так что современное испанское *elegantemente* просто означает «изящно», современное итальянское *fortemente* – «сильно», современное французское *clairement* – «ясно» и т. д. Следовательно, грамматический формант (суффикс) исторически восходит здесь к самостоятельному слову, к имени существительному.

Романский суффикс *-ade* (*orangeade* – «апельсиновый напиток», *citronnade* – «лимонный напиток») превратился в американском варианте английского языка в самостоятельное слово. У продавцов спрашивают: *Have you some ade?* – «Есть ли у вас какой-нибудь *прохладительный напиток* (что-нибудь прохладительное)?»

Историческая связь грамматических формантов с самостоятельными словами, очевидная в языках индоевропейских, выступает еще более наглядно в некоторых других языках, относящихся к иным языковым семьям.

Например, в венгерском языке (финно-угорская семья языков) многие самостоятельные слова впоследствии превратились в окончания (флексии). В одном из древнейших памятников венгерского языка, в «Надгробной речи» (XIII в.), встречаются построения типа *vi lág belé*, современное *világba* – «в мир», где *belé* представляет собой слово *bél*, буквально означающее «кишка», «сердцевина» внутренность». Это самостоятельное слово впоследствии превратилось в падежное окончание имени существительного или, как считают другие исследователи, в так называемы послелог... Следовательно, не только аффиксы, но и флексии исторически могут восходить к самостоятельным словам.

<...> В индоевропейских языках слова, ставшие морфемами, обычно совсем утрачивают свои былые связи с лексическими значениями. Больше того, грамматические функции морфем начинают отрицать лексическую индивидуальность значения слова. В этом обнаруживается своеобразная закономерность языкового развития: на более высоком его этапе возникает новое качество, отрицающее качество предшествующее.

<...> Таким образом, структура слова исторически изменчива, и, чтобы правильно ее анализировать, нужно понимать широкие связи слова со всей грамматической системой языка определенной исторической эпохи. <...>

(Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 2-е изд. М., 1965. С. 227-241.)

ТЕКСТ 11. Е.А. ЗЕМСКАЯ. СИНХРОННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. ПОНЯТИЯ ОПРÓЩЕНИЯ И ПЕРЕРАЗЛОЖЕНИЯ

* * * *

Елена Андреевна Земская (род. в 1926 г.)

Е. А. Земская – русский языковед, специалист в области словообразования. Автор работ «Как делаются слова» (1963), «Современный русский язык. Словообразование» (1973), «Словообразование как деятельность» (1992).

Исследует русскую разговорную речь. Под ее редакцией изданы три книги, посвященные этой проблеме: «Русская разговорная речь» (1973), «Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис» (1981), «Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест» (1983).

Член редколлегии журнала «Вопросы языкознания».

* * * *

Синхронное и историческое словообразование

§ 2. Изучение языка можно проводить в двух принципиально разных аспектах: синхронном (от греч. *syn* – «совместно» и *chronos* – «время») и историческом, или диахроническом (от греч. *dia* – «через» и *chronos* – «время»).

В первом случае язык изучается как определенным образом организованная система средств человеческого общения, действующая в тот или иной период времени. Задача такого изучения – описать устройство языка, вскрыть механизм его действия. При синхронном изучении не ставится вопрос о том, почему именно так сложился язык, какие изменения в предшествующие периоды привели к современному состоянию.

Цель диахронического языкознания – изучение языка как продукта исторического развития, исследование изменений, происходящих в системе языка на протяжении того или иного отрезка времени.

Различие между этими двумя аспектами языкознания принципиальное. Не надо думать, что историческое языкознание непременно изучает прошлые эпохи, старые времена, а синхронное языкознание – современность. Возможно историческое исследование, посвященное современности (например, изучение истории языка XX в.). Точно так же прошлые эпохи существования языка могут быть изучены с синхронной точки зрения. Синхронное словообразование изучает отношения сосуществующих единиц, диахроническое – процессы превращения одних единиц в другие.

Два названных аспекта исследования могут быть применены и ко всему языкознанию в целом, и к отдельным его разделам. Соответственно этому существует историческая и синхронная грамматика (морфология и синтаксис), историческая и синхронная лексикология, историческое и синхронное словообразование, причем обычно отсутствие определения при названии науки обозначает, что имеется в виду синхронный аспект исследования. <...>

§ 3. При синхронном и диахроническом подходе к словообразованию многие понятия, называемые одним и тем же термином, получают разное содержание. Таково, например, понятие производности и связанные с ним понятия производная основа и производящая основа...

При диахроническом подходе, для того чтобы установить производность слова и, следовательно, определить, какое из сравниваемых родственных слов послужило базой для образования другого, т. е. имеет производящую основу, а какое производную, надо изучить конкретную историю этих слов и выяснить, какое из слов является более ранним, а какое более поздним, какое из слов исторически образовано от какого. Для этого должна быть изучена история слов, интересующих исследователя.

При синхронном анализе установить, какая основа является производной, а какая производящей, – это значит ответить на вопрос: какая из двух однокоренных основ является более простой по форме и по смыслу (= производящей), а какая более сложной (= производной)? Для этого надо

определить, каково формальное и семантическое соотношение данных основ в изучаемый период жизни языка.

Чтобы показать более наглядно различие между синхронным и диахроническим словообразовательным анализом, разберем слова *дояр* и *доярка*, *зонт* и *зонтик*.

При изучении этих слов с точки зрения синхронного словообразования мы должны сопоставить между собой эти слова по форме и по смыслу и поставить их в ряды слов, содержащих одну и ту же основу и один и тот же аффикс. Получим:

- 1) *дояр*: *доярка* = *артист*: *артистка* = *студент*: *студентка* и т. п.;
- 2) *зонт*: *зонтик* = *дом*: *домик* = *стол*: *столик* и т. п.

Очевидно, что в обеих группах слов вторые члены каждой пары являются производными, так как они сложнее и по форме (к производящей основе добавлены суффиксы *-к(а)*, *-ик*), и по смыслу: их смысл содержит семантическую добавку – ‘лицо женского пола’ (1), ‘маленький’ (2).

С точки зрения исторического словообразования отношения между вышеназванными парами слов иные. Слово *дояр* более позднее по времени, оно произведено от *доярка* в те времена, когда доение коров в коллективных хозяйствах перестало быть профессией только женщин.

Слово *зонтик* является более ранним, чем *зонт*. Оно произведено от голландского *Zonnedek*. Элемент *-ик* в составе этого слова стал восприниматься как суффикс уменьшительности (ср.: *столик*, *мячик*, *коврик*, *носик*). Тогда и возникло слово *зонт* как неуменьшительное существительное... Следовательно, результаты анализа слова с точки зрения синхронного и исторического словообразования не всегда совпадают.

Итак, термины «производная» и «производящая» основы употребляются и в синхронном, и в диахроническом словообразовании. Однако, если в диахроническом словообразовании они по смыслу равны причастиям от глагола *произволить*, т. е. производная (= произведенная; та, которая произведена), производящая (= производящая; та, которая производит), то в синхронном словообразовании эти термины не имеют процессуального значения; их значение иное, функциональное – ‘находящиеся в определенных отношениях между собой’, чаще всего: производящая – более простая по форме и по смыслу, чем однокоренная производная; производная – более сложная по форме и по смыслу, чем однокоренная производящая... Значение производящей основы мотивирует значение производной основы, а форма производящей основы является базой для построения формы производной основы. <...>

Понятия опрощения и переразложения

§ 10. Выше мы говорили, что слова *быть* и *забыть*, *белый* и *белье* не связаны отношением производности. В этих словах произошло опрощение. Понятие опрощения введено В.А. Богородицким, который определил его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим составом [мы бы

сейчас сказали: морфемным составом] утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова «вкус» (ср.; *кус-ать, кус-ок*), «забыть» и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус, за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрощении связь слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»...

Опрощение – исторический процесс, играющий важную роль в языке. Опрощение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение; границы между морфемами стираются. Благодаря опрощению язык пополняется новыми корневыми морфемами, которые, порвав старые родственные связи, становятся центрами новых словообразовательных гнезд, соединяются с новыми суффиксами и приставками. Ср.: *вкус – вкусовища, вкусный, вкусно, превкусный, вкусятина; забыть – забывчивый, забывчивость, перезабыть*.

§ 11. 1. Процессу опрощения благоприятствуют звуковые изменения, вследствие которых данное слово расходится с родственными словами. Так, изменение формы слова *облако* (из * *облоко*) способствовало его разъединению со словами *влачить, влечь* и т. п. Однако не следует думать, что именно фонетическое изменение привело к опрощению слова. Причиной опрощения являются семантические изменения... Это показывают многочисленные случаи, когда опрощение произошло несмотря на отсутствие фонетических изменений (ср.: *забыть, белье, голубь* и т. п.). С другой стороны, при наличии фонетических изменений опрощение не происходит, если между словами сохраняется семантическая связь. Так, прилагательное *ме́[сн]ый* (орфографически: *местный*) сохраняет связь со словом *место*, несмотря на то, что [т] утрачено в произношении.

2. Выпадение из языка родственных слов также часто вызывает опрощение; слово, потеряв своих «родственников», становится «одиноким», изолированным, и это приводит к его опрощению. Так произошло со словом *кольцо* (первоначально уменьшительное от слова *коло*, вышедшего из употребления)...

§ 12. Другой процесс исторического изменения состава слова – переразложение: перемещение границ морфем в составе слова. Этот процесс был открыт И.А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в. Изучая историю индоевропейского склонения, И.А. Бодуэн де Куртенэ открыл закон «сокращения основ в пользу окончаний», который состоит в том, что в процессе исторического развития конечные гласные основы («тематические гласные») отошли к падежным окончаниям, т. е. граница между морфемами основы и окончания стала проходить в ином месте... О переразложении писал и Богородицкий: «...сокращение основ в пользу окончаний произошло и в наст. времени глаголов, напр., *несет, несем* первоначально морфологически разлагалось на *несе-т, несе-м*, а впоследствии тематический гласный отошел к окончанию, т. е. *нес-ет, нес-ем*...»...

Большая повторяемость в речи конечных элементов слова – окончаний (чем основ) привела к тому, что процесс переразложения шел слева направо, т. е. часть основы отходила к окончанию. Часто употребляясь в сочетании с предшествующими им звуками основы, окончания стали ассоциироваться совместно с этим повторяющимся с ними звуком или комплексом звуков.

Переразложение может происходить не только между основой и окончанием, но и между другими частями слова. И в этих случаях направление процесса обычно то же, т. е. слева направо.

§ 13. 1. Наблюдается переразложение между основой и суффиксом. В результате этого вида переразложения формируются новые производные суффиксы. Так, на базе ряда производных существительных со значением лица, образованных при помощи суффикса **-ик** от основ прилагательных с суффиксом **-н-** (например, *умн-ый* – *умн-ик*), отрезок **-ник** стал восприниматься как целостный суффикс. С помощью этого суффикса образуются имена лиц непосредственно от основ существительных: *колхоз* – *колхоз-ник*.

В результате процесса переразложения возник глагольный суффикс **-нича-**. Он выделился из состава глаголов, производимых с помощью суффикса **-а-** от основ существительных на **-ник**: *школьник* – *школьнич-ать*, *разбойник* – *разбойнич-ать*. Наличие комплекса **-нича-** в большой группе слов привело к тому, что комплекс **-нича-** стал восприниматься и вести себя как целостный суффикс (*лодырь* – *лодыр-ничать*, *столяр* – *столяр-ничать* и т. п.).

2. Известны случаи переразложения между приставкой и корнем (или предлогом и следующим словом). Так, начальный звук *н* в местоимениях, употребляемых с предлогами: *к нему* (но *пишу ему*), *с ним* (но *доволен им*), *к ней* (но *говорю ей*), первоначально принадлежал предлогам *сън-*, *кън-*, *вън-*. Этот конечный *н* в следствие закона открытых слогов сохранялся только в позиции перед начальными гласными или *ј* следующего слога. Поэтому в большинстве случаев предлоги выступали в форме без *н*, т. е. в виде *с*, *к*, *в*.

Частое употребление таких предлогов без *н* привело к тому, что в тех случаях, где *н* сохранялся, он стал восприниматься как часть последующего слова (*к нему*, *с ним*, *в ней* и т. п.) т. е. произошло переразложение. Таким же образом *н* стал употребляться и с другими предлогами, первоначально не содержащими *н* (*от него*, *при нем* и т. п.).

Такого же происхождения *н* в словах *снять* (ср.: *взять*), *нутро* (ср.: *утроба*), *снеть* (ср.: *еда*).

Это *н* проникало и в слова с приставками, не имевшими *н*, например: *разнять*, *отнять*, *занять*, *обнять* (ср.: *объятие*). Аналогическое употребление *н* в таких случаях не является само по себе переразложением. <...>

(Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 14-17.)

ТЕКСТ 12. Г.О. ВИНОКУР. ЗАМЕТКИ ПО РУССКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

* * *

Григорий Осипович Винокур (1897 – 1947)

Г.О. Винокур – русский языковед, доктор филологических наук, профессор. Окончил МГУ. Основной сферой научных интересов Г.О. Винокура были история русского литературного языка, лексикография, современный русский язык и культура речи, язык художественной литературы. Ряд его значительных работ посвящен языку и стилю А.С. Пушкина. Г.О. Винокур был инициатором создания «Словаря языка Пушкина», который был издан после смерти ученого. Является одним из основных составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

В статье «Заметки по русскому словообразованию», опубликованной в 1946 г., Г.О. Винокур излагает основные принципы словообразовательного анализа.

* * *

<...> Производная основа отличается от непроизводной иным отношением к предмету действительности, ею обозначаемому. Вообще отношение между словом как обозначающим и самим «обозначаемым» (signifiant и signifié де Соссюра) может быть двояким: слово может обозначать известный предмет действительности или непосредственно, или через установление той или иной связи между данным предметом действительности и другими. В первом случае слово служит таким обозначением соответствующей идеи, в структуре которого остается ничем не выраженной самая сущность этой идеи, как она обнаруживается в ее реальных связях. *Стол, коса, алый, нести* обозначают нечто, независимо от того, какие отношения существуют у каждого такого нечто с другими явлениями действительности. Все это нерасчлененные названия соответствующих предметов мысли, и вопрос о том, почему данные предметы мысли названы именно так, а не как-нибудь иначе, постоянно возникающий у всякого, кто размышляет над своим языком, будь то историк языка или просто любознательный человек, ни в малой степени не определяет функционирования языка как наличного орудия общения. И что бы ни думали специалисты по этимологии относительно корня слова *рыба*, понимание этого слова в живом акте речи совершенно не зависит от возможных по этому поводу догадок.

В отличие от этого, отношения между словом и обозначаемым им предметом мысли, в случаях вроде *настольный, косить, алеть, поднести* обнаруживают такое обозначение идеи, в котором данная идея раскрывается в известной хотя бы части своих связей, формирующих ее в живой действительности. *Настольный* значит ‘находящийся на столе, предназначенный для этого’, *косить* ‘работать *косой*’, *алеть* ‘быть или становиться *алым*’, *поднести* ‘совершить действие, обозначаемое словом *нести* в направлении полного приближения к чему-нибудь’ и т. д. Иными словами, в этих случаях известная сторона отношений, существующих у

данного предмета мысли, находит себе выражение в тех отношениях, которые существуют внутри самого слова.

Таким образом, есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами. Вот почему значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей).

Практический вывод из сказанного состоит в том, что если по выделении из состава какой-нибудь основы известного звукового комплекса в остатке получится звуковой комплекс, не обладающий каким-нибудь значением, представляющий собой пустое звукосочетание, то выделение произведено неправильно, т. е. не отразило реального факта языка. В известном смысле может показаться «естественным» в словах вроде *малина*, *смородина* выделить звукосочетание *ин* и приписать ему функцию обозначения ягоды. Но так как остающиеся после такого выделения звукосочетания *мал*, *смород* сами по себе лишены функции, ссылкой на которую можно было бы объяснить разницу между ягодами малиной и смородиной, то суффикса *-ин-* в данных словах не существует. Ясно, что разница между названными ягодами как известными предметами действительности передана в языке разницей цельных слов *малина*, *смородина*, а не разницей комплексов *мал*, *смород*, которые сами по себе ничего не значат. <...>

В слове *буженина* нет суффикса *-ин-*, обозначающего мясо, потому что понятие мяса здесь обозначено словом *буженина* как целым. Между тем в словах *конина*, *свинина*, *осетрина*, *лососина* и других соответственных комплексов *ин* означает не просто мясо, а непременно мясо того животного, которое названо в первичной основе. Такую функцию нельзя приписать комплексу *ин* в слове *буженина* по той простой причине, что нет никакого животного, которое обозначалось бы в русском языке комплексом *бужен*. В таких словах, как *библиотека*, *фототека*, *фонотека*, *картотека* и пр., самой структурой слова показано, что речь идет о собрании, складе известных предметов, имеющих свои обозначения в языке; ср.: *библиоман*, *библиология*, *фотография*, *новейшее фото* и т. д. Но хотя слово *аптека* также обозначает известного рода склад, в этом слове нет отдельных значащих единств, самое отношение между которыми показывало бы, о складе чего именно идет в данном случае речь. Точно так же при глаголах *занять*, *понять*,

представляющих модификацию глагола *ныть*, встречаем непроизводную основу *уныть*, непроизводную потому, что значение ее не определимо через значение глагола *ныть*. При глаголах *встать*, *отстать*, *пристать*, находящихся по своему значению в известном отношении к глаголу *стать*, этого отношения не находим в глаголе *перестать*. Таких глаголов с бывшими приставками, не отделимых уже от основы в объективной структуре современного русского языка, хотя и легко выделяющих эти бывшие приставки для этимологической рефлексии, очень много, например: *затеять*, *завещать*, *забавлять*, *обязать*, *ударить*, *настоять* (на своем решении), *восхитить* и т. д. ... Тем не менее это глаголы в современном языке в точном смысле слова непрефиксальные, и отсюда должны быть сделаны все нужные выводы.

То, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако это вовсе не основание для того, чтобы считать критерием для выделения или невыделения тех или иных морфем в основах сознаваемость или неосознаваемость этих морфем в психологии говорящих. Указание на то, что известный комплекс звуков сознается или не сознается «чувствуется» или «уже не чувствуется» как морфема, есть, собственно, не объяснение, а нечто, само по себе требующее объяснения: если «уже не чувствуется», то почему? Более того, можно согласиться, что в словах вроде *сморщина* или *буженина* и в самом деле может «чувствоваться» суффикс *-ин-*: ведь если бы не чувствовался, то, вероятно, никогда никем бы и не выделялся. С другой стороны, вполне может быть, что в словах *разуть* и *обуть* основа *-у-* говорящими по-русски не чувствуется, причем даже можно было бы объяснить, почему именно не чувствуется. Но тем не менее, как я постараюсь показать ниже, это основа вполне реальная, действительно существующая в современном русском языке. Вопрос о том есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной, и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и только в этом смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды. <...>

<...> О производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непроизводная. В связи с этим следует поставить и более общий вопрос о том, что, собственно, имеется в виду под обычным выражением «значение того или иного суффикса». Говорится, положим о том, что суффикс *-ин-* в существительных женского рода имеет значение мяса, суффикс *-ец-* в существительных мужского рода – значение лица и т. п. Мне представляется такой способ выражаться хотя и понятным в практической работе, при условии ясности общей точки зрения, допустимым, все же в строго теоретическом отношении не вполне точным. Никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой

он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию. Нельзя сказать, что значит звуковой комплекс *ин*, пока мы наблюдаем его изолированно, как некую фиктивную данность, фиктивную уже потому, что она не имеет в языке самостоятельного существования. Нельзя сказать также, что значит сам по себе этот звуковой комплекс, пока мы наблюдаем его в словах *хина*, *картина*, *витрина*, *малина*, *буженина* и др., потому что ему не принадлежит здесь функция модифицирования каких-либо значений, существующих независимо от данных образований в соотношении с ними. Но мы можем сказать, что в слове *горошина* комплекс *ин* придает значению основы *горох* оттенок наличности в форме единичного зерна, в слове *конина* – тот оттенок, вследствие которого значение основы *конь* модифицируется в значение ‘мясо коня’ и т. д. Вообще функция аффикса состоит в том, что он дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе, в одном из боковых ее освещений, а потому и вообще аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе. <...>

С другой стороны, есть основания сомневаться в применимости того же правила в отношении к суффиксам. Можно задать вопрос, в самом ли деле не может существовать суффикса, встречающегося только в одном слове, или это только кажется так? По-моему, это и в самом деле только кажется так. Если согласиться с тем, что производность основы *конина* есть результат соотношения *конь* – *конина*, то мы вправе смотреть на производную основу как на своего рода вариацию соответствующей непродуцированной основы. Такие вариации могут быть регулярными, т. е. повторяющимися от случая к случаю в одной и той же звуковой форме, например: *гордый* – *гордость* – *гордец*, *наглый* – *наглость* – *наглец*, *храбрый* – *храбрость* – *храбрец* и т. д., *писать* – *писатель* – *писательский*, *читать* – *читатель* – *читательский*, *любить* – *любитель* – *любительский* и т. д. Если данная регулярная вариация такова, что создаваемые ею словарные ряды неисчислимы, так как они всегда могут быть пополнены все новыми образованиями, мы говорим о продуктивных словообразовательных моделях. Если, наоборот, соответствующие образования ограничены, вообще исчислимы, не возникают постоянно вновь, мы говорим о непродуцированных типах словообразования. Так, например, можно говорить о непродуцированном, но все же регулярном словообразовательном типе по поводу соотношений *ходить* – *ходьба*, *косить* – *косьба*, *бороться* – *борьба* и т. д.

Но есть также соотношения не только непродуцированные, но и нерегулярные. Сюда принадлежит, например, соотношение *пасти* – *пастух*. Суффикс лица *-тух* в словах мужского рода можно было бы видеть еще в слове *петух* по соотношению *петь*, но это соотношение, как я думаю, в современном русском языке не реально, так как хотя петух и поет, но петух все же не означает в нашем языке поющую птицу. Напряжение памяти подсказывает еще старое слово *питух*, сейчас если и употребляемое, то

только на периферии системы литературного языка... Нет уверенности в том, что к такому же образованию относится *конюх*, потому что здесь уже не глагольная, а именная основа, да и самый суффикс звучит несколько иначе. В конце концов приходим к тому, что есть только одно несомненное слово в современном литературном языке, имеющее суффикс лица *-тух*, именно *пастух*. Но от этого данный суффикс не перестает быть суффиксом, а соответствующая основа, что самое существенное, не перестает быть основой производной.

<...> До сих пор речь шла только о таком соотношении двух основ, в которых первичная, или шире – производящая, основа один раз дана внутри производной, а другой – в свободном, выделенном состоянии, без соответствующих аффиксов; ср.: *сад-овник* при *сад*, *при-нести* рядом с *нести* и т. д. Но наряду с этим в русском языке есть очень много таких соотношений, оба члена которых представляют собой производные основы с общей производящей основой, но разными аффиксами. В этих случаях, следовательно, производящая основа выделима только путем соотнесения производных основ, а в свободном состоянии не существует. Такие основы, которые всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы назвать основами связанными. Ср., например, соотношение слов *при-выкнуть* и *от-выкнуть*, где выделяется первичная основа *вык-*, неизвестная в свободном от аффиксов виде. Ср. еще *при-быль* и *у-быль*, *при-бавить*, *до-бавить* и *у-бавить* или цель слов *озор-ство* – *озор-ной* – *озор-ник* – *озор-ничать* при отсутствии слова, в котором основа представляла бы собой первичную основу *озор-* в чистом виде. Точно так же из соотношения *кис-лый* – *кис-нуть* – *с-кис-ать* и т. д. выясняется существование связанной основы *кис-*. Из соотношения слов *напраслина* – *напрас-ный* выясняется существование связанной основы *на-прас-*. Слова *воин* – *война* – *войско* – *воевать* объединяются основой *во-*, также известной только в связанном виде, но, очевидно, не так было в древнерусском языке, пока употребительно было слово *вѣи*, равное по значению нынешнему *воин*. Непременно нужно считаться с наличием в языковой системе таких связанных основ, так как в противном случае многие явления словообразования получают неверные и сбивчивые толкования. <...>

(Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку.
М., 1959. С. 419-442.)